

ГАМИТАВ
ГОШ
ГОЛОДНЫЙ
ПРИЛИВ

роман

Перевод с английского
Марии Александровой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)
Г74

THE HUNGRY TIDE by AMITAV GHOSH

Copyright © Amitav Ghosh 2004

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency (UK) LTD

Перевод с английского Марии Александровой

Редактор Игорь Алюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Амитав Гош

Г74 Голодный прилив: Роман / Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 544 с.

К востоку от Индии, в Бенгальском заливе, раскинулся лабиринт из крошечных островов, известных как Шундарбун. Обитатели Шундарбун живут в страхе перед приливами и отливами. Это место одновременно прекрасно и опасно: здесь тигры могут появиться из ниоткуда, вода способна за несколько часов изменить очертания суши, а жизнь человека зависит от капризов природы. Именно сюда приезжает Пия, молодая американка, изучающая редкие виды речных дельфинов. Она не знает бенгальского языка и чувствует себя чужой в этой прекрасной, загадочной и суровой стране. В первый же день исследований судьба сводит Пию с двумя совершенно разными людьми — бедным рыбаком Фокиром, который понимает природу лучше любого исследователя, и переводчиком Канаи, образованным и самоуверенным столичным жителем. Приключенческая история о путешествии по экзотическим местам постепенно перерастает в размышление о хрупкости человека и цивилизации. Амитав Гош через историю Пии, Фокира и Канаи показывает столкновение науки и традиционного знания, города и дикой природы, рациональности и интуиции. Каждый из героев пытается постичь не только окружающий мир, но и себя. “Голодный прилив” — роман о природе, которую невозможно приручить, и о людях, которые пытаются обрести с ней гармонию.

ISBN 978-5-907943-24-7

© Мария Александрова, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, 2026
© “Фантом Пресс”, издание, 2026

🌀 СТРАНА ОТЛИВА 🌀

Канаи заметил ее, едва ступив на запруженный людьми перрон, его не ввели в заблуждение ни коротко подстриженные черные волосы, ни одежда мальчика-подростка — мешковатые хлопковые штаны и бесформенная белая рубаша. Уверенно петляя между разносчиками еды и продавцами чая, назойливо предлагавшими свой товар, он не спускал глаз с ее изящной, стройной фигуры. Простоватая прическа совсем не соответствовала тонкому удлинённому лицу с точеными чертами. На лбу ее не было *б́инди*¹, а на руках — перстней и браслетов, но в одном ухе поблескивала серебряная сережка-гвоздик, выделявшаяся на смуглой коже.

Канаи нравилось думать, что искусством как восхищаться женщинами, так и оценивать их он владеет с мастерством подлинного знатока, и его заинтриговала ее манера держаться, необычный силуэт. Ему

¹ Один из видов сакральных символов, цветная точка на лбу чуть выше бровей. Означает, что женщина исповедует индуизм. — *Здесь и далее примеч. перев.*

вдруг пришло в голову, что, возможно, несмотря на серебряную сережку и оттенок кожи, она не индианка, разве что по происхождению. Стоило этой мысли лишь мелькнуть в голове, как он тут же уверился: она иностранка — это просто отпечатано в ее осанке, в том, как она стоит, балансируя с пятки на носок, словно боксер-легковес, слегка расставив ноги. В толпе студенток на калькуттской Парк-стрит она, может, и не выглядела бы неуместной, но здесь, на фоне закопченной пригородной станции Даку́рия, ее изящная андрогинность казалась абсолютно чужеродной, экзотической.

С чего бы юной иностранке стоять на платформе в южной части Колкаты, ожидая поезда до Каннинга? Да, это единственная железнодорожная линия, ведущая к Шундарбу́н¹. Но, насколько ему известно, туристы ею никогда не пользовались — те немногие, что направлялись в Шундарбун, обычно добирались по воде, нанимая катер или моторку на набережной Калькутты. Поезд был для тех, кто ежедневно ездил из отдаленных деревень в город на работу.

Канаи увидел, как она обернулась спросить что-то у рядом стоящего человека, и его охватило острое желание подслушать. Язык был для Канаи и источником заработка, и зависимостью, и его частенько одолевала неодолимая тяга подслушивать разговоры в общественных местах. Он протолкался сквозь толпу, чтобы оказаться в пределах слышимости, — и как раз вовремя, так как успел уловить последние ее слова: “Поезд

1 Прибрежная низменность в дельте Ганга и Брахмапутры на территории Индии и Бангладеш. В индийской части, в штате Западная Бенгалия, расположен национальный парк Сандарбаны (английский вариант произношения) — биосферный и тигровый заповедник. В романе используется бенгальский вариант названия.

до Каннинга?” Кто-то начал объяснять, размахивая рукой. Но говорил человек на бенгали, и она явно ничего не поняла. Она прервала мужчину и извинилась, что не знает бенгали: *Ами б́а́нгла джа́ни на*¹. Судя по нескладному произношению, это была чистая правда: как любой иностранец, она выучила ровно столько, чтобы суметь сообщить о своем непонимании.

Канаи тоже был “чужаком” на этом перроне и тоже привлекал к себе внимание. Среднего роста, волосы, все еще густые в его сорок два года, начали седеть на висках. В наклоне головы, в том, как он стоял, расставив ноги, ощущалась спокойная основательность, говорившая, что он готов взять на себя главную роль в любой ситуации. На гладком еще лице морщинки разбегались только от уголков глаз, но морщинки эти, следствие живой мимики, скорее подчеркивали молоджавость, чем указывали на зрелость. Некогда Канаи был хрупкого телосложения, однако с годами талия его округлилась, но он по-прежнему держался с непринужденностью и собранностью, выработанной привычкой путешественника жить настоящим моментом.

Так уж случилось, что Канаи взял в поездку небольшой чемодан на колесиках, с выдвижной ручкой. Для лоточников и всевозможных торговцев, впаривавших свои товары по дороге до Каннинга, этот чемоданчик был еще одной характерной деталью положения Канаи, наряду с солнечными очками, вельветовыми брюками и замшевыми туфлями, — прямое указание, что перед ними успешный столичный господин в самом расцвете лет. Как результат, ему то и дело приходилось отбиваться от разносчиков, оборвышей

1 Я не знаю бенгальского (бенг.).

и юных попрошайек, собиравших деньги на самые разные нужды, и от этой назойливой свиты Канаи смог избавиться, лишь когда прибыл желто-зеленый состав.

Забираясь в вагон, он обратил внимание, что иностранка, похоже, путешественница из опытных — два своих увесистых рюкзака она подхватила сама, отпихнув носильщиков, вившихся вокруг нее. В ней чувствовалась сила, не соответствовавшая ее миниатюрности и хрупкости, с явно привычной легкостью она забросила рюкзаки в купе и принялась пробиваться сквозь затор, который образовали суетящиеся в проходе пассажиры. Канаи на миг задумался, не подсказать ли ей, что есть специальное купе для женщин. Но девушку уже унесло внутрь, и он потерял ее из виду.

Потом прозвучал свисток, и Канаи тоже ринулся в толпу. Оказавшись в вагоне, он заметил свободное сиденье и быстренько уселся. Он планировал почитать в дороге, но, вытаскивая бумаги из чемодана, сообразил, что найденное место для этого совсем не годится. Света маловато, да еще справа — женщина с плачущим младенцем, трудно будет сосредоточиться, если придется отбиваться от пары крошечных мечущихся кулачков. Поразмыслив, он понял, что наиболее предпочтительное — слева от него, прямо у окна, но проблема заключалась в том, что оно было занято, сидевший там мужчина был погружен в газету на бенгали. Канаи с минуту изучал читающего — пожилой и с виду кроткий человек, которого вполне можно уболтать.

— *Аре мошай*¹, могу я обратиться? — Канаи улыбнулся, обрушив на соседа всю мощь своего обая-

1 Послушайте, мистер (бенг.).

ния. — Если это для вас не слишком важно, не могли бы вы поменяться со мной местами? Мне бы надо поработать, а у окна света побольше.

Читатель газеты изумленно вытаращился на него, и на миг показалось, что он готов возразить. Но, оглядев Канаи, его одежду и прочие детали внешности, мужчина передумал: тип явно с большими связями, может, даже на короткой ноге с полицейскими, политиками и прочими шишками. К чему нарываться на неприятности? И он любезно уступил Канаи место у окна.

Канаи был доволен, что достиг цели без лишних хлопот. Благодарно кивнув соседу, он решил угостить его чашкой чая, когда в следующий раз у окна появится *ча'ала*¹. Потом залез во внешний карман чемодана и вытащил несколько листов бумаги, покрытых убогим бенгальским шрифтом. Расправил бумаги на коленях и приступил к чтению.

В наших легендах говорится, что богиня Ганга, спускаясь с небес, расколола бы землю, если бы Господь Шива не усмирил ее поток, вплетя его в свои покрытые пеплом пряди. Когда вы слышите эту историю, вы видите реку определенным образом: как небесную косу, своего рода грандиозный водный канат, разворачивающийся по ширококой, иссохшей равнине. А вот то, что в этой легенде есть еще один неожиданный поворот, становится очевидно только на заключительных этапах речного путешествия — и эта часть истории всегда оказывается сюрпризом, потому что о ней никогда не рассказывают и, следовательно,

1 Продавец чая.

никогда не представляют в воображении. Дело в том, что существует место, в котором коса расплетается, где волосы Господа Шивы распадаются на гигантские растрепанные пряди. Миновав это место, река сбрасывает свои оковы и разделяется на сотни, а может, и тысячи спутанных нитей, свитых друг с другом.

Пока вы не увидите это своими глазами, почти невозможно поверить, что здесь, между морем и равнинами Бенгалии, лежит бескрайний архипелаг островов. Но это так — архипелаг, протянувшийся почти на три сотни километров, от реки Хугли в Западной Бенгалии до берегов Мегны в Бангладеш.

Острова — это нити, тянущиеся из ткани Индии, истрепанный подол ее сари, *ачоль*¹, который волочится за ней следом, намокший от морской воды. Их тысячи, этих островов, одни огромны, другие не больше песчаной отмели; иные существуют на протяжении всей письменной истории, а некоторые были намыты всего год или два назад. Эти острова — возмещение от рек, подношение, посредством которого они возвращают земле то, что взяли у нее, но в такой форме, чтобы утвердить вечное господство над своим даром. Руслу рек раскинулись по земле подобно мелкочаеистой сети, создавая ландшафт, где границы между землей и водой вечно подвижны, всегда непредсказуемы. Некоторые из рек — могучие водные пути, такие широкие, что с одного берега не видно другой, но есть и те, что не больше двух-трех

1 Также *анчал*, *паллу* — свободный конец сари, который можно набросить на голову и спустить, как шлейф.

километров в длину и всего несколько сотен метров в ширину. Тем не менее каждый из этих протоков — полноправная “река”, каждый имеет свое собственное странно звучащее имя. Когда протоки встречаются, они порой образуют группы по четыре, пять или даже шесть, и в местах их слияния вода простирается куда хватает глаз, а лес исчезает, превращаясь в далекий гул земли, доносящийся из-за горизонта. На языке этих мест такое слияние называется *мохóна*¹ — странное чарующее слово, окутанное множеством слоев со-блазна.

Здесь нет границ, отделяющих пресные воды от соленых, реку от моря. Прилив проникает на три сотни километров вглубь суши, и каждый день тысячи акров леса исчезают под водой, несколько часов спустя вновь появляясь на поверхности. Течение настолько мощное, что изменяет карту островов почти ежедневно — иногда вода смывает целые мысы и полуострова, а в другие дни создает новые мели и песчаные отмели там, где их прежде не было.

Когда приливы и отливы порождают новую сушу, буквально на следующий день начинают формироваться мангровые заросли, и при подходящих условиях они могут разрастаться так быстро, что за несколько кратких лет целиком покрывают новый остров. Мангровый лес — сам по себе целая вселенная, совершенно не похожая на обычные леса или джунгли. Здесь нет высоких, увитых лианами деревьев, нет папоротников, нет диких

1 Устье; место, где река впадает в море или сливаются несколько рек (бенг.).

цветов, нет болтливых обезьян и какаду. Листья мангровых деревьев грубые и кожистые, ветви ко-
рявые, а листва зачастую непроницаемо плотная. Видимость здесь ограничена, а воздух неподви-
жен и зловонен. Человеку ни в коем случае не
следует сомневаться, что эта местность враждеб-
на к его присутствию, да не усомнится он также
в ее хитрости и изобретательности, в решимости
уничтожить или изгнать чужака. Каждый год де-
сятки людей гибнут в объятиях этой непроницае-
мой листвы, убитые тиграми, змеями и кроко-
дилами.

Здесь нет никаких красот, привлекающих путни-
ка, и все же по всему миру этот архипелаг изве-
стен как “Шундарбун”, что означает “прекрасный
лес”. Некоторые считают, что это слово произо-
шло от названия распространенного вида ман-
гровых деревьев — *шундори*¹, *Heritiera minor*. Но
происхождение слова объяснить не проще, чем
нынешнюю его широкую распространенность, по-
скольку в хрониках империи Моголов этот регион
назван не в честь дерева, а в честь морских прили-
вов и отливов — *бхáти*. И для обитателей островов
этот край известен как *бхáтир деш* — страна отли-
ва, — и слово *бхати* имеет отношение не к “при-
ливам и отливам” в целом, но именно к этому
конкретному отливу, *бхата*. Это земля, наполови-
ну скрывающаяся под водой во время прилива,
ибо, только спадая, вода рождает лес. Глядя на
столь дивное родоразрешение, где повитухой
луна, понимаешь, почему название “страна от-
лива” не просто верно, но неизбежно. Ведь как

1 Прекрасная, красивая (бенг.).

и в случае с сережками Рильке, свисающими
с орешника, и весенним дождем над темной зем-
лей, мы, созерцая отлив,

*мы, привыкшие мыслить
Счастье в подъеме, были бы тронуты,
Были бы поражены,
Когда падает счастье¹.*

1 Р. М. Рильке, “Дуинские элегии”, элегия десятая (перевод В. Микушевича).

❧ ПРИГЛАШЕНИЕ ❧

В двадцати минутах от Колкаты поезд надолго застрял, и тут по счастливой случайности Пия получила возможность занять место у окна. Сначала она сидела в самой душной части вагона, у прохода, пристроив рюкзаки под ногами. Переместившись к окну, она увидела, что поезд остановился на станции под названием Чампахати. Платформа плавно спускалась к кучке хижин, а дальше погружалась в болото, пенящееся серым илом. Вагон был битком, и Пия не сомневалась, что так и будет до самого Каннинга, ей было странно, что это и есть преддверие Шундарбун — джунгли из лачуг и хибар, жмущиеся к железнодорожным путям.

Тут Пия заметила разносчика чая, расхаживающего по платформе. Она просунула руку через прутья оконной решетки и помахала ему. *Чай*, продававшийся в ее родном Сиэтле, ее никогда не интересовал, но за десять дней, проведенных в Индии, у нее каким-то необъяснимым образом возникла тяга к многократно прокипяченному молочному напитку, который пода-

вали здесь в глиняных чашках. В нем не было специй, и Пии он больше пришелся по вкусу, чем чай дома.

Она заплатила за чай и пыталась аккуратно просунуть чашку через решетку, когда мужчина, сидевший напротив, неожиданно перевернул страницу, толкнув ее руку. Пия успела среагировать, и чай выплеснулся за окно, но несколько капель все же угодило на бумаги соседа.

— О, простите ради бога!

Пии стало не по себе — уж если и обливает кого-то горячим чаем, то только не этого человека. Она обратила на него внимание еще на платформе в Колкате, отметила его самодовольный вид и то, как беззастенчиво он разглядывал окружающих, оценивая и явно определяя каждому его место. Позже она наблюдала, с какой высокомерной небрежностью он вытеснил пассажира с его места у окошка. Ей вспомнились некоторые колкатские родственники — они, похоже, тоже полагали, что им дарованы некие привилегии (в силу классового положения или образования?), что ради их комфорта любые мелкие жизненные препятствия и неудобства должны быть устранены.

— Вот. — Пия протянула ему пару салфеток. — Позвольте я вам помогу.

— Ничем тут не поможешь, — брюзгливо проворчал он. — Эти страницы все равно испорчены.

Она вздрогнула, когда он вдруг смял свои бумаги и швырнул их в окно.

— Надеюсь, там ничего важного, — пролепетала она.

— Ничего невозможного, просто ксерокопии.

Пия подумала, не указать ли, что это именно он толкнул ее под руку. Но лишь проговорила:

— Мне очень жаль, простите. Надеюсь, вы меня извините.

— А у меня есть выбор? — Тон его был скорее вызывающим, чем ироничным. — Разве в наше время у кого-то есть выбор при встрече с американцами?

Пия не испытывала никакого желания вступать в спор, потому проигнорировала вызов. Вместо этого она широко раскрыла глаза, изображая восторг, и выпалила:

— Но как вы догадались?

— О чем?

— Что я американка? Вы очень наблюдательны.

Кажется, это ему польстило. Он вальяжно откинулся на спинку сиденья.

— Я не угадал. Я знал.

— А откуда вы узнали? Дело в моем акценте?

— Да. Я редко ошибаюсь с акцентами. Я, видите ли, переводчик. И считаю, что мой слух настроен распознавать речевые нюансы.

— Да что вы? — Она улыбнулась, зубы ярко блеснули на фоне темного овала лица. — И сколько языков вы знаете?

— Шесть. Не считая диалектов.

— Ух ты! — Теперь ее восхищение было неподдельным. — Боюсь, английский — мой единственный язык. И я не стала бы утверждать, что владею им прекрасно.

Он недоуменно нахмурился:

— И при этом вы направляетесь в Каннинг?

— Да.

— Но, позвольте, если вы совсем не знаете ни бенгали, ни хинди, как вы намерены там ориентироваться?

— Поступлю так же, как обычно, — рассмеялась она. — Буду импровизировать. В любом случае, для моей работы разговоры особенно не нужны.

— И какова же ваша работа, осмелюсь поинтересоваться?

— Я цетолог. Это означает... — начала Пия почти виновато, намереваясь объяснить подробно, но он перебил.

— Я знаю, что это означает, — резко бросил он. — Нет нужды объяснять. Это означает, что вы изучаете морских млекопитающих, верно?

— Да, — кивнула она. — Вы отлично осведомлены. Объект моих исследований — морские млекопитающие: дельфины, киты, дюгоны и прочие. Иногда мне приходится проводить целые дни на воде, где поболтать не с кем, — по крайней мере, ни с кем, говорящим по-английски.

— Так это ваша работа привела вас в Каннинг?

— Совершенно верно. Я надеюсь выхлопотать разрешение на изучение морских млекопитающих Шундарбун.

На этот раз он умолк. Впрочем, ненадолго.

— Я крайне удивлен, — произнес он. — Я даже не знал, что они там водятся.

— О да. Или, во всяком случае, водились. И очень много.

— Правда? А мы слышим только о тиграх и крокодилах.

— Знаю. Популяция китообразных словно исчезла в никуда. Никто не знает почему. Оттого что вымерли или оттого что их никто не изучает. Никогда не проводилось исследований такого рода.

— А отчего так?

— Может, потому что невозможно получить разрешение? В прошлом году туда отправилась целая команда. Они готовились много месяцев, переслали все нужные документы и прочее. Но даже не смогли

выйти на воду. Их разрешения отозвали в последний момент.

— А вам должно повезти больше?

— Легче проскользнуть сквозь сеть, если ты сам по себе. — И после короткой паузы добавила с натянутой улыбкой: — Кроме того, у меня есть дядя в Калькутте, большая шишка в правительстве. Он поговорил с кем-то из Лесного департамента в Каннинге. Так что я пока скрестила пальцы.

— Понятно. — На него, похоже, произвели впечатление и ее откровенность, и ее предусмотрительность. — То есть у вас есть родственники в Калькутте?

— Да. Вообще-то я и сама там родилась, хотя родители уехали оттуда, когда мне исполнился всего год. — Она бросила на него испытующий взгляд, чуть приподняв бровь. — Я заметила, вы все время говорите “Калькутта”. Как мой отец.

Канаи кивком признал ее замечание.

— Вы правы, мне следует быть внимательнее, но переименование произошло так недавно, что я порой путаюсь. Стараюсь использовать “Калькутта” для прошлого, а “Колката” для настоящего, но время от времени сбиваюсь. Особенно когда говорю по-английски. — Он улыбнулся и протянул руку: — Мне следует представиться: Канаи Датт.

— Пияли Рой, но все зовут меня просто Пия.

Его определенно удивило ее бенгальское имя, незнание языка явно создало у него впечатление, что ее семейные корни относятся к какой-то другой части Индии.

— У вас бенгальское имя, — вопросительно приподнял он бровь в свою очередь. — И вы не знаете бангла?

— Это не совсем моя вина, — торопливо ответила Пия, как будто защищаясь. — Я выросла в Сиэтле.

А из Индии уехала совсем ребенком и не имела возможности освоить язык.

— По такой логике я, выросший в Калькутте, не должен бы говорить на английском.

— Кроме того, мне совсем не даются языки... — Она не стала продолжать, оставив фразу незаконченной, а потом сменила тему: — А что привело в Каннинг *вас*, господин Датт?

— Канаи — зовите меня Канаи.

— Ка-най.

Он поспешил поправить, когда она запнулась с произношением:

— Произносите как будто в рифму с Гавайи.

— Канаи?

— Да, правильно. И, отвечая на ваш вопрос — я еду проводить тетюшку.

— Она живет в Каннинге?

— Нет. Она живет в месте под названием Лусибари. Это довольно далеко от Каннинга.

— А где именно? — Пия расстегнула молнию на кармашке рюкзака и вытащила карту. — Покажите. Вот здесь.

Канаи расправил карту и принялся водить пальцем по извилистым линиям каналов и проток.

— Каннинг — это конечная станция Шундарбун, а Лусибари — самый дальний из обитаемых островов. Это вверх по реке, нужно миновать Аннпур, Джеймспур и Эмилибари. И вот он — Лусибари.

Пия наморщила лоб, вглядываясь в карту.

— Какие странные названия.

— Вы удивитесь, сколько мест в Шундарбун имеют названия английского происхождения. Лусибари означает просто “Дом Люси”.

— “Дом Люси”? — изумленно вскинула голову Пия. — От имени Люси?

— Да. — Глаза Канаи блеснули. — Вы должны побывать там. И я расскажу вам, откуда взялось это название.

— Это приглашение? — улыбнулась Пия.

— Безусловно. Приезжайте. Я вас приглашаю. Ваше общество облегчит бремя моего изгнания.

Пия рассмеялась. Сначала она думала, что Канаи чересчур поглощен собой, но теперь склонна была проявить великодушие: она уловила проблеск иронии, из-за которой его эгоцентризм становился чуть более интересным, чем ей показалось вначале.

— Но как я вас найду? — спросила она. — И где искать?

— Просто приходите в больницу в Лусибари, — сказал Канаи. — И спросите Машиму. Вас отведут к моей тетушке, а она будет знать, где я.

— Машима? — удивилась Пия. — Но у меня тоже есть “Машима” — разве это не значит просто “тетушка”? Там ведь должно быть больше тетушек, чем одна, ваша тетя вряд ли может быть единственной?

— Если вы спросите в больнице Машиму, — ответил Канаи, — каждый поймет, кого вы имеете в виду. Видите ли, ее основала моя тетя, и она же возглавляет организацию, которая управляет больницей, — Фонд Бадабон. Тетушка видная фигура на острове, и все зовут ее Машима, хотя на самом деле ее зовут Нили́ма Боус. Они с мужем та еще парочка. Его люди всегда звали Саар — так же, как ее зовут Машима.

— Саар? А это что значит?

Канаи расхохотался.

— Это просто “сэр”, как его произносят на бангла. Он был директором местной школы, поэтому все уче-

ники звали его “сэр”. Со временем люди забыли его настоящее имя — Нирмóл Боус.

— Вы говорите о нем в прошедшем времени.

— Да. Он давно умер. — Однако, едва произнеся эти слова, Канаи скривился, словно отрицая их. — Но, по правде говоря, я не чувствую, что его больше нет на свете.

— В каком смысле?

— Потому что он восстал из пепла, дабы призвать меня к ответу, — улыбнулся Канаи. — Понимаете, перед смертью он оставил мне кое-какие бумаги. Долгие годы они считались потерянными, но теперь вновь объявились. Вот почему я туда еду — тетя хочет, чтобы я взглянул на них.

Уловив в голосе нотку сожаления, Пия осторожно заметила:

— Звучит так, словно вы не слишком туда стремитесь.

— Нет, если уж начистоту. Дел полно, а сейчас особенно напряженное время. Было нелегко выкроить неделю.

— То есть вы едете туда впервые? — удивилась Пия.

— Не совсем, меня уже однажды отправляли туда, много лет назад.

— Отправляли? Как это?

— В этой истории есть слова “временно исключен”, — с улыбкой произнес Канаи. — Знаете такое?

— Нет. Пожалуй, нет.

— Было такое наказание для школьников, за плохое поведение. Их отправляли томиться в обществе деревенских жителей. Мальчишкой я придерживался мнения, что знаю обо всем гораздо больше, чем мои учителя. И вот однажды я публично унизил учителя,

который имел несчастную привычку произносить слово “лев” не совсем внятно, так что звучало почти как “хлев”. Мне тогда было лет десять. Одно потянуло за собой другое, и в итоге наставники убедили моих родителей на время забрать меня из школы. Меня отправили к тете и дяде, в Лусибари. — Канаи усмехнулся. — Это было очень давно, в семидесятом.

Поезд начал замедлять ход, внезапный гудок паровоза прервал Канаи. Выглянув в окно, он увидел желтую вывеску с надписью “Каннинг”.

— Мы на месте. — Ему, кажется, было жаль, что беседа подошла к концу. Оторвав листок бумаги, Канаи написал несколько слов и сунул ей в руку: — Вот — это поможет запомнить, где меня искать.

Поезд остановился, и люди хлынули к дверям. Поднявшись на ноги, Пия забросила рюкзаки за спину.

— Может, мы еще встретимся.

— Надеюсь. — Он помахал на прощанье. — Будьте осторожны с людоедами.

— Берегите себя. До свидания.

